ВОЛЫНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 Іюня № 18 1886 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Каменецъ-Строниловское тетро-Евангеліе 1411 года и Волынское нарѣчіе въ XIV—XV в.

(Окончаніе).

Фонетическія особенности. Языкъ, какъ и все живое, постепенно развивается, растетъ и значительно перерождается, что особенно отражается на фонетикѣ. Діалектическое перерожденіе отражается какъ на вокализмѣ, такъ и на консонантизмѣ языка. Уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ церковно-славянской письменности можно наблюдать разные случаи подъема и паденія гласныхъ и вообще—чередованіе гласныхъ и согласныхъ. Съ теченіемъ времени это чередованіе значительно усиливается. Въ нашей рукописи, какъ принадлежащей сравнительно болѣе позднему времени, оно наблюдается въ значительной степени. Нѣкоторыя изъ такихъ особенностей—общаго характера, составляютъ общую принадлежность русской редакціи; другія указываютъ исключительно на мѣстный діалектъ.

Въ употребленіи *глухихъ* замѣчается сильное непостоянство. Такъ какъ рукопись—болгаро-русскаго письма (съ преобладающимъ элементомъ русскаго), то глухіе

отчасти, въ видѣ остатковъ, продолжаютъ удерживаться въ префиксахъ, корняхъ (рѣдко) и суффиксахъ (очень рѣдко). Большею же частью—въ срединѣ словъ замѣняются чистыми или выбрасываются, а въ концѣ—замѣняются другъ другомъ.

Съ плавными глухіе сочетаются почти всегда по законамъ болгарской фонетики, рѣдко—по русски: влъхвы 14 об. длъгы 20 об. тлъцѣте 22. вързи 42 об. и т. п. И: вълсви 14. вълка 182. хълмом. 154 об. на тържищих 29 об.

Послѣ плавн. *р*. съ другими согласными ставится, по болгарски, ъ вм. ь.

Въ предлогахъ и другихъ словахъ, тѣсно примыкающихъ къ слѣдующему слову, ъ на концѣ не рѣдко выбрасывается: кнемоу 16 об. (2 р.). ктебѣ 37 об. снею 19. вморн 24 об. врнмѣ 66. дарсвой 19. дартвой 19. и т. п. Пропускъ—сознательный и намѣренный, такъ какъ почти всегда обозначается знакомъ. Кромѣ того, встрѣчается выпаденіе ь внутри словъ послѣ мягкихъ согласныхъ, свидѣтельствующее о твердомъ (волынскомъ?) произношеніи писца: тма 21 об. 22 об. кълми 21 об. 22 об. престоупльши 26. раздѣльшееся 31 об. о велзевоулѣ 31 об. прельщаетеся 51. 90 об. свѣтлники 55 об. безпечалны 64. лвоу, лвово 66 об. Пропускъ также обозначается знакомъ.

Въ концѣ словъ вмѣсто ъ большею частью употребляется ь, но часто встрѣчаются и правильныя формы: бь (и—бъ) 90 об. въставь 25 об. заповѣдавь 27. наоумовь, еслимовь, рисаевь (и—сидовъ, адамовъ) 110. недоугь 26 об. (и—отнедоугъ 113). от ногь 27 об. врагь 35. соудь 31. ножь 95. члкь 23 об. (и—влъкъ 27 об.) сътникь (и—сътникъ) 23 об. драхль вывь 86. дабы ъль съ нимь 118 об. (и—дабы съълъ 151). іωань 15 об. (и—іωанъ 27). снь 16 об. (и—снъ 31 об. 57 об.). обрѣте единь многоцѣнень бисрь 35 об. единь 21 об. 172. (и—единъ 124. 171. об.). дарь 23 об. мирь 27 об. (2 р.). 28 об. 35. (и—миръ 28 об.). петрь 124. 189 об. 202. (и—петръ 124. 190 и друг.) бѣсь 42. словесь 82 об. (и—словесъ 27 об. и т. под.). Чѣмъ объяснить подобное колебаніе въ написаніи однихъ и тѣхъ же словъ, рѣшить трудно. Непостоянство свойственно вообще среднеболгарскимъ памятникамъ, но употребленіе ь вмѣсто ъ—принадлежность сербскаго вокализма. Въ данномъ случаѣ есть-ли это сербизмы или волынизмы? Можно предположить, что писецъ списывалъ рукопись съ

оригинала, въ которомъ ъ замѣняется посредствомъ ь, и боролся съ своимъ обыкновеннымъ произношеніемъ; или же, что мягкое изглашеніе конечныхъ согласныхъ свойственно было самому писцу. Послѣднее вѣроятнѣе.

Встрѣчаются въ рукописи и обратные случаи—употребленіе ъ вм. ь, что составляетъ характеристическую особенность Волынскаго нарѣчія. Представляемъ всѣ случаи: двеρъ 20 об. цр҃ъ 78. 198 об. 199. матеръ 86 (и--мт҃рь 86 об. 2 р.). вертоградаръ 201. дождъ (и--дождь) 23. виждъ 91 об. пристоꙋплъ 155 об. каменъ 148 об. естъ 21. быстъ 172.

Въ большинствѣ случаевъ глухіе замѣняются чистыми не только тамъ, гдѣ они слышны въ современномъ произношеніи, но и тамъ, гдѣ современный выговоръ не требуетъ чистаго гласнаго. Представляемъ только особенности въ употребленіи чистыхъ вмѣсто глухихъ:

о вм. глух. ъ въ срединѣ словъ: доволѣше 11 об. ѿ сооложеніа мира 35. 57. 130. да вомѣстить 45. да собꙋдоꙋтса 59 об. въ сородствѣ 77. 105 об. въ сорωдницѣхъ 108. воса (воса елика аще мл҃щеса просите, вѣрꙋйте ꙗко приемлете) 88 об. нисовѣм 96. сотнрающе класы 114 об. настꙋпати наскоропїю 126. скоропїю 128. посолꙋчаю 127. да собоꙋдетса 187 об. прежде соложеніа мира 195 об.

о вм. ъ въ предлогахъ: конемоꙋ 44. 95 об. 119 об. и др. ко вам 49. 125 об. 139 об. 191 об. 193 об. коморꙋ 70 об. коморю 72. ко себѣ 89. 98 об. 146 об. 156 и мн. друг. коним 131. 134. 197 об. ко домоꙋ 138. ко нам 139 об. ко вечерꙋ 157. во дом 26 об. во вас 87. 177. 191 об. (и--въ вас 87). во себѣ 118 об. 128 об. со собою 43 об. и т. п.

е вм. глух. ь: беръвено 22. бервено 22. (2 р.) лестець 63 об. въсесожеженїй 91. бѣжество 92. (и--бѣжьство 54)

Нерѣдко ъ служитъ простымъ графическимъ знакомъ для выраженія звука *о* и употребляется вмѣсто этого послѣдняго: въсекънечнѣ 10 об. кълми 21 об. 31. къмоꙋ 29 об. 118 об. кѫшъ 40. къшницъ 82 (и--кошниць 40). кълико (и--колико) 40. кѫго 40. 40 об. 61 об. 130 об. къмоꙋждо 41. 93. къемоꙋждо 203 об. къего 48 об. 125. (и--коего 48 об.). кътоpїй 49. 119. 140 об. 154 (2 р.). къкошь 53. кървань 80. кълеблем 118. кълцѣм (=колцѣм) 138 об. (и--колцѣм 138 об.). къе 164. 175. вълю 23. 73. 175 (2 р.). вълѧ 33. 151 об. 173. 175. 181. въжди 38. 52 об. живъть 46. вън 50. вънии 61 об. 154 об. 198. 199 (2 р.). (и--воинь 61 об. воини 199 об.) въанергес

72 об. въѫзь 110. вълны 117. въдѣ 120 об. въды многи бѣху 165 об. вды (р. е.) 167. 176. въдѹ 167. 188 об. (и__водѹ 167). въдный трѹд 135. влы (и__волы) 164. вълов 136. въеводам 150. довлно есть 151 об. живът 170 об. пред събою 20. събою 22. междѹ събою 43 об. 85. 142. 173. 173 об. 189 об. 194. съ събою 83. подсъбою 117. въ сълило 94. въ принтворѣ сълмонѣ 182 об. влъши 21 об. 90 об. влъшаа заповѣд 51 об. влъшоу 131. влъша 163 об. 175 об. ко гръбу 200 об. (и__ко гробу 200 об.). въ гръб 200 об.

Юсы. Рукопись юсового письма, но юсы (простые) въ ней неимѣютъ коренного звукового значенія и употребляются смѣшанно не только между собою, но и съ чистыми гласными, въ качествѣ графическихъ знаковъ для выраженія звуковъ: *у*, *ю*, *я*. Смѣшеніе юсовъ между собою и, отчасти, употребленіе ихъ вмѣсто другихъ гласныхъ составляетъ общій характерный признакъ всѣхъ среднеболгарскихъ памятниковъ; но въ нашей рукописи, писанной въ Россіи и русскимъ писцомъ, это смѣшеніе достигло необыкновенныхъ размѣровъ, такъ что юсы не только чередуются между собою, но весьма часто чередуются съ чистыми гласными, даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ; часто также употребляются вмѣсто чистыхъ. Представлять всѣ случаи смѣшаннаго употребленія юсовъ излишне, такъ какъ они встрѣчаются на каждой страницѣ и чуть-ли не въ каждой строкѣ. Приводимъ только немногіе примѣры безразличнаго употребленія малаго юса и чистыхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, нерѣдко даже на одной и той же страницѣ[1]).

Ѧ и Ѩ—безразлично: предадѧт (и__осѹдѧт) 46 об. коупѹкѩщаѩ 48. (и__придающаѩ 48). пѧт (и__пѧт) 56. оубоѩшасѧ 75 об. твоеѩ 76 об. грѧдый (и__грѧдѹщее) 88. пѧт (и__пѧт) 90. чртвіѩ бжіѩ 119. жнѧ (и__жнѧ) 168.

Употребленіе ѧ и ѩ вмѣсто большого юса (равнаго также больш. іотир. юсу), оу и ю наблюдается весьма часто преимущественно послѣ мягкихъ *л*, *р*, *м* и *н*, а также послѣ юса или *оу*, стоящаго вмѣсто юса, и послѣ другихъ гласныхъ:

1) Примѣры смѣшенія большого юса съ чистыми здѣсь не приводятся за неимѣніемъ въ типографіи графич. знака для обозначенія большого юса.

глаꙋат 12 (2 р). неразликоꙋат 12 (2 р.) истинствоꙋат 12. нетребоꙋать 36 об. въ геенꙋ огньнꙋа 43. 85. силꙋ ишедшꙋа 76. сътворшꙋа 76 об. ошꙋка 47. ошꙋка 56 об. (и—одеснꙋю 56 об. (2 р). 60. 91). негодꙋаще 93. за нѣкоꙋа крамолꙋ бывшоꙋа 154. гла (1 л. ед.) 16. 18 об. 19. 19 об. 20. 21. 21 об и др. (и—глю 20 об. 34). глать 29 об. 30. 40. 51. 51 об. (и—глють 32. възглють 31). глаще 42 об. (и—глюще 90). оуподобла 23. 118 об. 134. (3 р). помоласа (1 л.) 59. 94 об. посла (1 л.) 118. 146 об. 158. осыпла 133 об. гибла 137 об. люблю (1 л.). 202 об. (2 р.). (и—люблю 203). сътвора 17 об. 47 об. 58. 69. 87 об. 131 и др. (и—сътворꙋ 85 об. 167 об. сътворю 86 об. 97. 131. сътворꙋ 191). блготвора (1 л.) 45. твора (1 л.) 48 об. 49. 89 (2 р.). 134 об. 146 и др. разора (1 л.) 95 об. 131. (и—да прозрю 87 об.). вола (в. ед.) 33. 181. (и—волю 167 об.). на земла (в. ед.) 132 об. имат 24 об. неимать 39. 41. 81. 120. (и—имоꙋт 125. неимꙋт 73 об. 82 об. имащи 82 (2 р.). 169. (и—имꙋщи 80 об.). вънатрь (и—вънꙋтрь) 52 об. иродивыа (и даже: иродивых 55 об. ижи желѣзны (и—южи желѣзными) 121. южикы 105 об. и т. п.

Ю и большой юсъ вм. а и даже *а*: припаде рѣка храминѣ той и неможе поколебати ю 116 об. ни хлѣба идый ни вина пію 118 об. (и: иды и піа 118 об.). еже мнитса имѣю, възметса ѿ него 120. сто мѣр пшеницю 138 об. лежить лютѣ страждꙋ [1]) 23 об. Странности эти—вродѣ прич. имѣю, пію—объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ болгарскомъ оригиналѣ, въ силу обычнаго смѣшенія юсовъ, вмѣсто а стояло юсъ, который нашъ писецъ замѣнилъ русскимъ *ю*.

Чистые гласные, какъ отличающіеся легкою подвижностью подъема и паденія, допускаютъ разные случаи замѣны однихъ другими. Въ этомъ отношеніи рукопись представляетъ соединеніе разныхъ стихій: болгарской, общерусской и собственно-волынской.

Изъ болгаризмовъ чаще всего встрѣчается употребленіе *а* вм. ꙗ и а, преимущественно въ формахъ прилагательныхъ: приведоша емꙋ вса болащаа (и—мѣсачныа) 17 об. на злыа и блгыа 20. сіа вса 22. (и—вса сіа 54 об.). избраша добрыа въ

---

[1]) Вмѣсто большого юса здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ употребляется у или ю, за неимѣніемъ въ типографіи шрифта.

съсиды, а злыа извергоша вънь 35 об. износит новаа и ветхаа 36. въ страны тирскïа и сидонскиа 38 об. рꙋка твоа 42 об. (И—нога твоа 43). славы своеа 45 об. дрꙋгаа марïа 63 об. сïа есть перваа заповѣд 90 об. (И—перваа заповѣд 51 об.) и т. д. Точно также *а* рядомъ съ ѧ стоитъ часто въ формахъ существительныхъ и глаголовъ: съгрѣшенïа 21 (3 р.). ѿ трънïа, ѿ рѣпïа 22 об. знаменïа 32 об. ѿ оꙋченïа 40. прѣлюбодѣанïа (им. мн. И—любодѣанïа, им. мн.) 18 об. цѣлованïа, преждеседанïа (И—первовъзлежанïа) 91. братïа 33 (5 р.). 52. 73. (И—братïа 73). илïа 77 об. мрïа (2 р И—мрïа) 98 об. покаалиса выша 30. покаашеса 32 об. прïаша 55 об. (И—приаша 55 об. прияша 61) и т. п.

Къ болгаризмамъ же можно отнести употребленіе *а* вмѣсто большого юса въ вин. ед.: ïоꙋда же роди фареса и зара 13. ровоам же роди авïа. авïа же роди асса 13 об. (И—ïорам жер оди озïю, ахаз же роди езекïю 13 об.). книгоꙋ распꙋстнꙋа (*а* вм. ѧ, стоящаго послѣ больш. юса вмѣсто больш. іотир. юса или ю). 44 об. ким притча рече 89 об. начат глати притча сïа (в. ед.) 146. рече притча 149 об. ноꙋжда имѣаше 153 об. приде їс въ кана галилейскꙋ 168.

Отчасти сюда же можно отнести и смѣшеніе *ѣ* и *е* съ *а*: трѣвоꙋ 74 об. (И—натравѣ 78 об). въ плащеницю 95 об. плащеницю 95 об. въ серептоꙋ 111 об. ѿ неимащего 145 об. предающего 189. Впрочемъ, послѣдній случай — употребленіе *е* вм. *а* — не чуждъ и русскаго вокализма.

Къ характеристикѣ болгарскаго извода относятъ также смѣшеніе простыхъ съ іотованными. Въ нашей рукописи это наблюдается относительно *а* и *оу*, съ обычнымъ въ среднеболгарскихъ памятникахъ непостоянствомъ въ написаніи однихъ и тѣхъ-же словъ.

Ꙗ и ѧ вм. *а*: иꙗкова 17 об. 69. 115. 122. 123 об. 134 об. 167. (И—ïакова 94 об. ïꙗковль 166 об. (И—ïаковль 51. ïꙗковь 36. 86 об. 90 об. 166 об. ïꙗковом 24. (И—ïꙗковоꙋ 77). ïꙗковлꙗ 63. 72 об. 86 об. нафанаилꙗ 163 (2 р.).

ю вм. *оу*: въ главоꙋ ѫглю 49 об. 89 об. дïаволю (дат. п.) 57. южи 121. юзы 121. юже (нар.) 137 об. (И—оꙋже 137 об.). ïюдеа 16. (И—ïоꙋдеа 17 об.) ïюдейскïи 61. 62. (И—ïоꙋдейскый 62). ïюдейскаа страна 68. ѿ ïюдеа 72. въ ïюдеи 92. въ ïюдею 106 об. ïюдеею 168 об. ѿ ïюдеи 186 об. (И—ïоꙋдеи 169 об. по всей ïоꙋдеи 117 об.). ïюда 58. 58 об. 59. 60 об. (И—ïоꙋда 36. 95). ïюдо 152. (И—ïоꙋдѣ 77. ïоꙋдꙋ 115 (2 р). ïоꙋдинь 110. ïоꙋдию 105)

По законамъ древнерусской фонетики шипящіе и свистящіе соединялись съ мягкими гласными. Исключеніе иногда допускалось для ы и ѧ, въ которыхъ іотъ поглощался согласными. Въ Кам.-Стромиловскомъ Ев. законъ этотъ невыдержанъ только относительно ъ, который наряду съ ь употребляется послѣ всѣхъ согласныхъ, и отчасти относительно ѧ, которое послѣ шипящихъ чередуется съ *а*; но за то почти всегда употребляется *ю*: ѿцѧ 15 об. 17 об. 52. 174. 179. 193. (н—ѿца 28 об. 179). без ѿцѧ 28 об. на ѿцѧ 28 об. ловцѧ 17 об. съ питиницами 55. (н—чюдотворца 205). чадо 28. чада 28. часто 114. штрочѧ 168 об. оумлъча (3 л. аор.) 50 об. телцю 80 об. 66 об. 67. пшеницю 34 об. (2 р.) 74 об. 109 об. 138 об. 151. въ житницю 16. 34 об. въ темницю 19. 44. 133. 154. срачицю 19 об. 115 об. ѿцю 21. 38. (и—ѿцоу 20 об.). оудицю 42. смоковницю 48 об. 88. 88 об. (2 р.). 133 об. златницю 50 об. стъкляницю 57 об. багряницю 62. горницю 94. слнцю 67. 73 об. 98 об. 112. отроковицю 76 об. 122. плащеницю 95 об. 98 об. въ плащеницю 95 об. въ границю 127. вдовицю 148. плачющен 18. нечюши 22. чюднашася 24 об. 25 об. 90. 120 об. мздоу пророчю, праведничю 29. притчю 34 об. 35. 38 об. 49. 111. 133 об. чюдеса 48. 54. 92 об. въсплачются 54 об. чюете 82. врачю 111. чюдесь 168 об. чюдесе 203 об. чюждаго 181 об. плачющи 200 об. чюдотворец 206. дшю 41 (3 р.). (и—дшоу 87). бывшю 60 об. ошюю 97 об. неразоумѣвающю 34. глщю 41 об. 76 об. 122. крщюся 47 (2 р.). 87. (и—крщоуса 87. плачющоуся 184 об.).

Изъ другихъ случаевъ чередованія гласныхъ заслуживаютъ вниманія:

Чередованіе є съ ѧ: болещаѧ 37 об. стезатися 43 об. (и—стязатися 43 об.). съезавше 50 об. котежателем 89. (и—ѿ тяжател 89. тяжателе 89 об.). вышнего 104 об. 106. 116. (и—вышнаго 121). ближнего 126 об. вѣдоу отегчени 124. Трудно рѣшительно опредѣлить: сербизмы ли это, или особенности русскаго вокализма.

Замѣна ѣ болѣе твердымъ є, характеризующая русскій изводъ: чловеци 24 об. 107. въ чловецех 104 чловеческый 28. чловеческаго 40. чловеческій 58. болезнь 27 болезнем 53 об. виденія 41 об. телеса 62 об. телесе 101 об. 155 об. 156 об. 159. (и—тѣлесе 63. 159. тѣло 63). повеленіе 106 об. Обратный случай: издъщерѣ 81. Конечно, въ данномъ случаѣ примѣры

эти можно объяснить случайностью, но въ основѣ ихъ все-таки лежитъ живое произношеніе.

Чередованіе *а* съ *о*: растачаетъ 32. 128 об. оѵтапати 37 об. оѵтаапаше 75 об. И: неростоуил еси 56 об. въ солезандріи 66.

Нѣкоторые гласные *растягиваются* (удвояются); особенно часто это бываетъ съ гл. и въ глаголѣ идти, сложномъ съ предлогами. Впрочемъ, въ однихъ и тѣхъ же словахъ замѣчается обычное въ рукописи непостоянство. Приводимъ нѣкоторые случаи: двâа (=дѣва) 14. въназапѹ 83. 93. 106 об. 124. 149 об. вънійти 31 об. 43. 52. 85. 121 и мног. др. (и: вънити 85. 85 об. 121 об. 122. 138). изыити 121. сънійтиса 136 об. вънійде 30 об. 70. 88. 105. 114 об. и др. (и: въниде 124 об.). не вънійдете 18 об. 151 об. невънійдете 27. (и--въ нидете 122 об.). ѿійдоша 50 об. изыйдохъ 69 об. 128 об. 178 об. 194 об. 195. възыйде 73 об. 123 об. (и--възыде 168 об. 174 об.). изыйде 119 об. 141 об. 179 об. и др. (и--изыде 84. 113 об. 197 об.). сънійде 111 об. 120 об. 142 об. сънійди 62 об. 168 об. да сънійдеть 62 об. 98. сънійдошася 78 об. 85. и т. п. Удвоеніе *а* встрѣчается часто въ среднеболгарскихъ изводахъ и принадлежитъ къ болгаризмамъ, но растяженіе въ глаголѣ идти или точнѣе прибавка *и* къ предлогамъ—префиксамъ составляетъ, вѣроятно, фонетическую особенность, характеризующую свойственный писцу вокализмъ.

Встрѣчается въ рукописи нѣсколько случаевъ обратнаго явленія—выпаденіе *и*: чтати 1 об. чтатиса 1 об. (2 р.).

Употребленіе *согласныхъ* не представляетъ какихъ-либо особенностей, за немногими исключеніями:

З предъ *п*, *т*, *к*, *ч*, *с* чрезъ ассимиляцію переходитъ въ *с*: беспритча 35. 74 об. въспивше 58 об. бесплотно быває (описка; вм. бесплодно быв.) 74. истебе 14 об. искорабла 37 об. 75. 79 об. 112 об. исчрева 45. бесчаден 147. исъсакнет 54. иссѣцѣте 145. Гортанный *г* предъ *к* вполнѣ ассимилируется: вънакки ризы 29 об. маккаа 29 об. Особенно заслуживаютъ вниманія случаи ассимиляціи: иснего 42. 69. жиждѹщен 49 об. жиждоѹщен 146 об. жиждете 53.

Любопытны также случаи несліянія *жт* въ *щ*: съжежти 34 об. неможти 70. 72 об. възлежти 171 об. (и--възлещи 81 об.).

Волынизмы. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію особенностей собственно волынскаго нарѣчія. Проф. Собо-

левскій на основаніи собранныхъ имъ данныхъ показалъ, что галицко волынское нарѣчіе въ древнѣйшій періодъ своей исторіи отличалось отъ другихъ русскихъ говоровъ, насколько можно судить по памятникамъ, лишь самыми незначительными чертами, потому что большинство особенностей, встрѣчающихся въ галицко-волынскихъ памятникахъ и характеризующихъ древнее гал.-волынское нарѣчіе, свойственно также новгородскому, псковскому, кіевскому и полоцкому говорамъ. Въ историческую же пору его существованія, въ періодъ отъ конца XI до XV в., въ галицко-волынскомъ нарѣчіи произошелъ цѣлый рядъ звуковыхъ измѣненій, изъ коихъ авторомъ отмѣчены слѣдующія:

удлиненіе *е* и *о*;
переходъ *е* или новаго *ѣ* въ *і*, *о*, *у*, дифтонги;
переходъ *о* въ *у*, дифтонги, *і*;
переходъ древняго *ѣ* въ *і*;
сліяніе *ы* и *и* въ одинъ звукъ *и*;
отвердѣніе *е* и находящихся предъ нимъ согласныхъ;
переходъ *в* въ *у* и наоборотъ;
переходъ *г*=g (лат. g) въ *г*=h.

Большинство изъ этихъ особенностей встрѣчается и въ Кам.-Строниловскомъ Евангеліи. Кромѣ того, такъ какъ данная рукопись по времени происхожденія нѣсколько новѣе памятниковъ, разсмотрѣнныхъ Соболевскимъ, то въ ней встрѣчаются и такія особенности, которыя послѣднимъ не отмѣчены. Впрочемъ, нужно замѣтить, что единичный памятникъ, въ особенности—религіознаго характера, никогда не можетъ исчерпать всѣхъ особенностей какого-либо нарѣчія или говора. Это въ особенности нужно имѣть въ виду въ данномъ случаѣ. Евангеліе—такая область, въ которой писцу меньше всего было простора. Древній книжникъ смотрѣлъ на списываніе богослужебныхъ книгъ, какъ на подвигъ, какъ на дѣло богоугодное и относился къ нему съ большимъ благоговѣніемъ; слѣдовательно, тутъ не могло быть мѣста проявленію индивидуальности писца: приходилось копировать оригиналъ съ его древними фонетическими особенностями и грамматическими формами. Вотъ почему въ позднѣйшихъ рукописяхъ—XV и XVI вв.—нерѣдко попадаются глубокіе

архаизмы. Если же по временамъ и прорывался живой звукъ, живая форма, то они были явленіемъ ненамѣреннымъ, случайнымъ: живой, разговорный языкъ немогъ не заявить о своемъ существованіи. Такимъ образомъ, безусловно нельзя заключать, что объемъ индивидуальности галицко-волынскаго нарѣчія къ XV вѣку ограничивался только тѣми особенностями, которыя встрѣчаются въ извѣстныхъ нынѣ галицко-волынскихъ памятникахъ.

Самый большій процентъ изъ особенностей волынскаго вокализма, встрѣчающихся въ разсматриваемой рукописи, составляетъ употребленіе *и* вмѣсто *е* и *ѣ*: хировимн 8 об. на хировимѣх 8 об. 66 об. ко горѣ елиwнстѣй 47 об. въ горꙋ елиwнскоꙋѧ 58 об. 94 об. на горѣ елиwнстѣй 91 об. елиwнь 145. сторицїю 119 об. притекнеши 17. 110 об. притерпѣвый 28. 54. 99. придадат (и--предадат) 53 об. не быша прикратилнсѧ днїе 54. прикрататсѧ 54. не бы прикратил 92 об. прикратит 92 об. пат таланть ми еси придал 56. приизлиха 81. прибивакще колѣнѣ 97. въ припрадꙋ 97. съ припрады 97 об. емоꙋ же аще хощоꙋ придам ѧ 110 об. мнѣ придана есть 110 об. мѣрꙋ прилѣвакщоꙋсѧ 119 об. приклаnѧтисѧ 123. припоѧсавсѧ 188 об. бѣ припоѧсань 188 об. абїе прозри (3 л. аор.) 143 об. по вѣри 26 об. неоꙋвидино бꙋдеть 28. аще бысте видѣли, что есть мл͠сти хощоꙋ 30 об. видѧаше ѧко жноꙋ идеже не сѣѧх 56 об. да никомоꙋ же повидат 83. оꙋвидѣв ѿ сътника 98 об. невидити 151 об. ѿ поꙋсти им. не видат бо что творѧт 154 об. идѣ І͠с сквоѕѣ сїанїѧ 30 об. исцѣли дщи еѧ ѿ того часа 39. въсхотиша 41 об. въспивше (вм. въспѣвше) 58 об. оцѣпенївает 83 об. ѿвища 197 об. (и--ѿвѣща 197 об. 2 р.). въ свѣдительство 27 об. 77 об. 92. 113. 122 об. 161. нелжесвѣдителствоꙋеши 45. свѣдительствоꙋете 53. 130. нелжесвѣдителствоꙋй 86. 142 об. свѣдительствова 95 об. (2 р.). 166. 168. 169. 170. свѣдительствовахꙋ 95 об. (2 р.). свѣдителствоꙋкт 96 об. свѣдителствоꙋет 159 об. 161. 193. свѣдительство 161 об. 165. 166. 170 об. свѣдительствоꙋеши 177.

Наоборотъ, вмѣсто и иногда употребляется е и ѣ: їеремеем 15. 61. їеремею 40. кранеево 62. наеръ 76. вартемей 87. семїwнь 107 об. семvwнь 107 об. семиwна 206 об. (2 р.). ѿ истены 197 об. видѣте (и--видите) 54 об. Сюда же относятся только что указанные случая употребленія ѣ вм. и въ глаголѣ свѣдительствовати и производныхъ отъ него формахъ глагольныхъ и существительныхъ.

Этотъ переходъ *е* и *ѣ* въ *и* и наоб.—объясняется отчасти родствомъ звуковъ, а отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древности буква *ѣ* выражала гласный смѣшаннаго образованія.

Звукъ *и* въ волынскомъ нарѣчіи постепенно отвердѣвалъ, такъ что во многихъ случаяхъ перешелъ въ *ы*. Въ рукописи есть значительное число примѣровъ употребленія *ы* вм. *и*: рызѫ 37 об. въ рызы 97 об. рызы 114. ѿцю или матеры 38. ты оѵзрыши 61. о левін мытары 65. сѣдѣти вморы 73. при моры 76. крычаще 76 об. крыны 131 об. гаврыилъ 104. пастеры 106 об. онофрыа 206 об. еліакым (и—еліакима) 13 об. никыты 204. предадат вы въ скорбы 53 об. быв (отъ бити) 97. не съ быдет 128 об. двыд 91. двыдова 147 об. продынды ради 77 об. злы сѹще (муж. р.) 32. въ предѣлы магдалынскы 39 об. въ вышныхъ 88. мный (мнїй) снъ 137 об. ты (=сынове) вамъ бѹдѹтъ сѹдїа 31 об. и ты възнесоша гласъ 140 об. и тыи начаша искати въ себѣ 150 об. лисы ѧзвины имоѹтъ 125. въ срдцыхъ 109 об.

Рядомъ съ отвердѣніемъ *и*, какъ особенность говоровъ волынскаго нарѣчія встрѣчается смягченіе *ы* до звука *и*: рибарѣ 17 об. рибарїе 112 об. рибы 37. 120 об. 157 об. (и—рыбы 37. 128). ѿ рибы 79. рибъ 100. 112 об. (2 р.). 202 об. (2 р.). рибѹ 202 об. рибицъ 39 об. 81 об. двѣ рибѣ 79. 123. 171 об. (и—двѣ рыбѣ 78 об.). обѣ рибѣ 79. 123. двои рибѹ 100 об. ѿригноѹ 35. къторїи (им. ед.) 49. 119. 140 об. 151. никоторїи прркъ 111 об. 175. 177. которїи 136 об. въ которїи 132. 168 об. вторїи 51. толики вѣри 117 об. користь 128 об. дари своѧ братыѧ 148. да бѣгаютъ въ гори 149. неоставлѧ васъ сири 191. варвари 205. добрїа 50. ридахомъ 118 об. ридахоѹ 154. въздидаете 115 об. прмѹдрїа книжникы 53. мѹдри рабъ 55. мѹдрїа прїаша елей 55 об. (2 р.). моѹдрїи 132. прикривати 96. ѿкрилъ еси 126 об. ѿкрити 126 об. закривше 152 об. ѿкрисѧ 187 об. свекри 132 об. сътворим крови три 83. мастина 131 об. арефи 204 об.

О, вслѣдствіе физіологическаго сродства съ звукомъ *е*, нерѣдко чередуется съ послѣднимъ. Какъ діалектическая особенность волынскаго вокализма, обращаетъ на себя вниманіе употребленіе *о* вм. *е* послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ: чотыродесятницю 1 об. чотыромъ 8 об. (и—четыри 10 об.). чотыролицный 66 об. чоловѣк 138 об. о единном грѣшницѣ кающомсѧ 137. оѹстромисѧ (стадо по брегоѹ) 25. 75 об. ѿ сопорника

141 об. Другіе случаи чередованія *е* и *о* общи у многихъ рукописей—и не волынскаго письма: въ видлюмѣ 14. (и.. въ видлемѣ 14 об.). въ видлемѡ 14 об. 106 об. видлемѣ 14 об. до видлеома 107. собѣ 78 об. Употребленіе собѣ, въ собѣ и пр. вм. себѣ и пр. свойственно бѣлорусскому нарѣчію и многимъ великорусскимъ говорамъ, но въ данномъ случаѣ оно должно быть отнесено къ волынизмамъ.

Закрытый звукъ *у* въ волынскомъ нарѣчіи нерѣдко замѣнялся открытымъ *о*. Примѣровъ этого въ рукописи значительное число и они показываютъ, что употребленіе *о* вм. *у* имѣетъ не случайный характеръ, а обусловливается извѣстными физическими причинами. Представляемъ всѣ случаи: на херовимѣхъ 8 об. 66 об. херовими 8 об. херовимом 66 об. еммануиль 14. словѣ 19. окрухы 79. окрухи 123. окрух 37. 39 об. 81 об. 82. окрух 171 об. (чико домозиту (дат. п.) 46. купно (коупно) 46. вушедшоуемо 48. зобоща 73. женоу постити 85. обомшажеса 124. онофрыа 206 об. Эта фонетическая особенность не чужда была и нѣкоторымъ древнимъ русскимъ говорамъ. (См. у А. Будиловича старорусск. Херовимъ, также: отъ пости. Начертаніе церковнославянской грамматики. Варшава, 1883. стр. 61, 4).

Изъ единичныхъ особенностей, характеризующихъ волынское нарѣчіе, можно отмѣтить:

Употребленіе *ы* вм. *е* и *ѣ*: четыры тысаща мужый 39 об. въ всѣх азыцых 92.

Употребленіе *хв.* вм *ф*: ѿ оученія хварисейска 40. (н.. фарисейска 40). въ страны далманухванскы 81 об. въ ехврем 185 об.

Взаимную мѣну *ч* и *ц*: оцѣсти (вм. очисти) 52 об. Эту особенность волынское нарѣчіе раздѣляло съ псковскимъ и отчасти новгородскимъ и полоцкимъ говорами.

Смѣшеніе *въ* съ *оу*: оу год вечера 136. (См. у Будиловича: оузнраю и възнраю Ibidem).

Кромѣ того, въ рукописи изрѣдка попадаются чисто малорусскія (волынскія) слова и формы: дайже (вм. даждь) 20 об. мает (вм. имать: прити мает,—но дальше: имат пострадати) 41 об. межи (вм. между: межи црковію и олтарем) 53. вечеру бувши (т. е. бувши,—вм. бывшу) 79. сребники (вм. сребренникы) 60 об. 93. 127. сущьства 103 об. мы же моисеовы оученици есмо 181.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе Каменецъ-Строгиловскаго Евангелія показываетъ, что къ XV вѣку въ во-

лынскомъ нарѣчіи произошелъ цѣлый рядъ звуковыхъ измѣненій. Этотъ діалектическій процессъ перерожденія начался еще въ доисторическую пору и совершался постепенно. Насколько можно судить по древнѣйшимъ памятникамъ письменности, галицко-волынское нарѣчіе въ древнѣйшій періодъ своей исторіи, когда глухіе еще не исчезали изъ произношенія, отличалось отъ другихъ русскихъ говоровъ лишь самыми незначительными чертами. Съ теченіемъ времени оно начало обособляться; въ немъ стали появляться фонетическія особенности, почти совсѣмъ чуждыя говорамъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ. Слѣдствіемъ этого было то, что къ концу XV вѣка галицко-волынское нарѣчіе, говоря словами г. Соболевскаго, уже рѣзко выдѣлилось изъ числа другихъ русскихъ говоровъ и стало по отношенію къ нимъ совершеннымъ особнякомъ (Кіев. Ун. Изв. 1884, I. Приб. стр. 117).

Г. Крыжановскій.

По церковно-строительному дѣлу въ Волынской епархіи *).

Къ числу отрадныхъ событій для Волынскаго православнаго народа, въ настоящее время, слѣдуетъ отмѣтить два совершающихся факта.

Первый—это возобновленіе въ гор. Острогѣ Богоявленской соборной церкви, сооруженной въ 1450 году праправнукомъ Даніила Романовича Галицкаго, княземъ Василіемъ Θеодоровичемъ Острожскимъ. Церковь эта, по принятіи римско-католической вѣры послѣднимъ изъ князей Острожскихъ Іоанномъ, была отнята у православныхъ и находилась въ запустѣніи до настоящаго года. Дѣло о реставраціи Острожскаго собора началось еще въ 1865 году, при бывшемъ Генералъ-Губернаторѣ Генералъ-Адъютантѣ Безакѣ, переходило много инстанцій, измѣнялись проэкты, дополнялись смѣты и проч. и проч. и только благодаря энергическому участію настоящаго Начальника Юго-Западнаго Края Генералъ-Адъютанта Дрентельна

*) Изъ Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

*

дѣло это—возобновленіе древняго Острожскаго Богоявленскаго собора—пришло къ желательному концу. По Высочайше утвержденному 30 іюня 1883 года проэкту, на возобновленіе собора, исчислена общая сумма въ 114076 руб. 40 коп. и работы уже начаты временнымъ хозяйственнымъ комитетомъ, подъ наблюденіемъ назначеннаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ классннаго художника 2-й степени Базилевскаго.

Второй—возобновленіе, существующаго въ развалинахъ, въ г. Владимірѣ-Волынскѣ древняго Успенскаго собора. Дѣло это находится пока еще въ проэктѣ, но судя по сочувствію къ нему Высокопреосвященнаго Архіепископа Волынскаго Палладія и принятымъ предварительно мѣрамъ г. Начальника губерніи, Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Фонъ-Валь, можно надѣяться, что памятникъ древней православной святыни на Волыни будетъ возстановленъ.

Существующій въ развалинахъ, въ Владимірѣ-Волынскомъ, древній Успенскій соборъ, построенный, по преданію, Мстиславомъ Изяславичемъ въ XII вѣкѣ и представляющій собою теперь памятникъ древней церковной архитектуры православія въ этой мѣстности и принадлежности края князьямъ русскимъ, давно началъ обращать на себя вниманіе не только частныхъ путешественниковъ, но и правительственныхъ лицъ, посѣщавшихъ г. Владиміръ-Волынскій. Такъ еще бывшій Генералъ-Губернаторъ Безакъ, побывавъ въ г. Владимірѣ-Волынскѣ, признавалъ необходимымъ, если не возстановить Успенскій соборъ, то, по крайней мѣрѣ, укрѣпить его развалины, для огражденія ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія. Завѣдывавшимъ тогда въ Волынской губерніи церковно строительными работами инженеромъ Эртелемъ составлены были проэктъ и смѣта; но доброму начинанію Генералъ Адъютанта Безака не суждено было осуществиться: составленная Эртелемъ смѣта, съ истеченіемъ нѣкотораго времени, оказалась непримѣнимою на практикѣ; затѣмъ предпринято было составленіе новой смѣты; но переписка въ этомъ направленіи закончилась потерею проэкта Эртеля и перешла на почву первоначальныхъ предположеній о новомъ осмотрѣ Успенскаго собора и составленіи вновь проэкта

и сметы.... Въ такомъ видѣ находилось это дѣло, когда, вступивъ въ должность, нынѣшній г. Волынскій Губернаторъ, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Фонъ-Валь, предпринялъ, въ прошломъ году, поѣздку по губерніи для ревизіи. Будучи въ Владиміръ-Волынскѣ и осмотрѣвъ развалины Успенскаго собора, Его Превосходительство нашелъ, что остовъ этого древняго храма и теперь еще весьма величественъ и развалины его на столько прочны, что возобновленіе святыни вполнѣ возможно. Затѣмъ, по соглашенію съ Высокопреосвященнымъ Палладіемъ, они пришли къ убѣжденію, что какъ съ религіозной точки зрѣнія, такъ и по политическимъ видамъ необходимо возобновить Владимірскій Успенскій соборъ въ его первоначальномъ стилѣ, на сколько это окажется возможнымъ. Для этой цѣли, по распоряженію г. Губернатора, учреждена въ Владиміръ-Волынскѣ Коммиссія для разработки исторіи и проэкта возобновленія собора подъ предсѣдательствомъ и. д. мѣстнаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства Г. К. Боровикова, въ составъ коей вошли: отъ духовнаго вѣдомства: настоятель мѣстнаго монастыря Архимандритъ Александръ и священникъ Васильевской церкви Левицкій и гражданскаго—предсѣдатель мѣстнаго съѣзда мировыхъ судей Е. Н. Дверницкій, помѣстившій уже свою корреспонденцію о Мстиславскомъ храмѣ въ Апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ *), Архитекторъ Церковно-Строительнаго

*) Вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Дверницкій въ своей брошюрѣ о Владиміръ-Волынскомъ Мстиславскомъ Соборѣ XII вѣка и предстоящемъ его обновленіи: «великій сѣятель христіанства на Руси кн. Владиміръ во время похода въ Червонную Русь избралъ этотъ городъ разсадникомъ христіанскихъ идей на западной окраинѣ своихъ владѣній. Давши городу свое имя, св. Владиміръ построилъ въ немъ три церкви, двѣ въ самомъ городѣ и одну въ пригородѣ Зимно и учредилъ въ 992 г. епископскую каѳедру для волынской области, въ составъ которой входили, кромѣ западной части Волыни, вся Холмщина, Подлясье и часть Галиціи съ гг. Галичемъ, Перемышлемъ. До 1137 г. владимірская каѳедра была единственная въ этомъ краѣ и ее занимали, въ числѣ другихъ епископовъ, святители Стефанъ и Амфилохій. Владиміръ-Волынскимъ княжествомъ правили и жили въ немъ такіе ревнители православія, какъ Мстиславъ Изяславовичъ, Ро-

Присутствія Юргенсъ и мѣстный Уѣздный Исправникъ. Кромѣ того Начальникомъ губерніи въ составъ Коммисіи приглашены въ качествѣ членовъ и изъявили полную готовность лично участвовать въ трудахъ Коммиссіи: Профессоръ Кіевскаго Университета, археологъ В. Б. Антоновичъ, членъ-Секретарь Кіевской Археографической Коммиссіи О. И. Левицкій и Профессоръ С.-Петербургскаго Университета, извѣстный археологъ, А. В Праховъ. А равно не отказалъ въ своемъ сочувствіи этому дѣлу Председатель Кіевской Археографической Коммиссіи Дѣйст. Ст. Совѣтн. М. В. Юзефовичъ, выразившемся какъ въ указаніяхъ своему ближайшему сотруднику Левицкому на историческія матеріалы, относящіеся къ Мстиславскому

манъ Галицкій и извѣстный въ свое время ученостью и христіанскими добродѣтелями Іоаннъ Владиміръ прозванный философомъ. Тѣла этихъ и другихъ князей русскихъ покоятся подъ развалинами Владиміръ-Волынскаго каѳедральнаго собора. Заботами св. Владиміра и его пріемниковъ князей Владиміръ-Волынскихъ о духовныхъ нуждахъ народа сооружено было въ городѣ болѣе 20 церквей и устроены училища. Лѣтописецъ Несторъ, посѣтившій въ 1097 г. г. Владиміръ «для обозрѣнія училищъ и наставленія учителей», называетъ его «славнымъ» городомъ. Но отъ его минувшей славы, отъ всего величія города, которому удивлялись иностранцы и о которомъ венгерскій король Андрей, говоритъ, что такого города не встрѣчалъ и въ нѣмецкой землѣ, остались до настоящаго времени только развалины великолѣпнаго Успенскаго собора, построеннаго Мстиславомъ Изяславичемъ, бывшимъ вел. кн., кіевскимъ, въ послѣдніе-же годы своей жизни княземъ владимірскимъ, правнукомъ Владиміра Мономаха, скончавшимся въ 1170 г. Возвышающіяся надъ городомъ стѣны и башни этого храма служатъ нѣмымъ укоромъ нашему равнодушію къ древнимъ святынямъ. Многое видѣлъ, многое испыталъ этотъ храмъ: ни одна изъ русскихъ областей не дала столько борцовъ, не принесла столько кровавыхъ жертвъ за православіе какъ Волынь, вся ея исторія—борьба за эту народную святыню, свидѣтель этой борьбы храмъ Богоматери не разъ, по словамъ лѣтописца, «переполнялся трупьями» его защитниковъ. Нельзя не удивляться необычайной крѣпости постройки этого храма: пожары, татарскіе набѣги и внутреннія смуты, уничтожившіе весь городъ и всѣ храмы, за исключеніемъ Васильевской церкви, пощадили эту древность, которая пострадала болѣе всего въ XVIII вѣкѣ отъ усердія не по разуму уніатскихъ епископовъ, желавшихъ придать этому православному храму видъ католическаго костела».

храму, такъ и высылкѣ г. Начальнику губерніи В. Вильг. Фонъ-Валь экземпляровъ всѣхъ, имѣющихся на лицо, изданій Кіевской Археографической Коммиссіи, въ коихъ заключаются между прочимъ историческія данныя, касающіяся Мстиславскаго собора. Прибытіе, для этой цѣли, Кіевскихъ и С.-Петербургскаго гостей ожидается въ половинѣ іюня мѣсяца, когда начнутся въ учебномъ вѣдомствѣ каникулы, хотя первоначальное засѣданіе Коммиссіи назначено 7 іюня, съ участіемъ Архіепископа Палладія, который въ этотъ день будетъ въ Владиміръ-Волынскѣ, на возвратномъ пути изъ Почаевской Лавры въ Житоміръ.

Ко всему этому нужно прибавить, что Членомъ Секретаремъ Археографической Коммиссіи г. Левицкимъ предпринято изданіе особой исторической записки о Владимірско-Мстиславскомъ соборѣ, которая будетъ издана съ приложеніемъ рисунка самаго храма, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ въ настоящее время находится. Для этой цѣли г. Губернаторомъ былъ посылаемъ въ г. Владиміръ-Волынскій изъ Житоміра фотографъ, снявшій уже виды храма; негативы вышли довольно удачно. Брошюра г. Левицкаго будетъ напечатана въ Кіевѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, еще до раскопокъ въ храмѣ, которыя предположено произвести Коммиссіею, по прибытіи въ Владиміръ-Волынскъ Членовъ Коммиссіи гг. Антоновича, Прахова и Левицкаго.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть какъ хорошо положено начало дѣла о возобновленіи древней православной святыни на Волыни, забытаго вѣками Владиміръ-Волынскаго Успенскаго собора и какое сочувствіе возбудило это дѣло въ ученомъ мірѣ; по этому началу едва-ли можно сомнѣваться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ.

В. О.

Лѣтопись текущихъ событій.

Защита русской школы. Во многихъ мѣстахъ Эстляндіи, по извѣстіямъ мѣстныхъ газетъ, эстонцы-крестьяне, будучи сами лютеранами, охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ мѣстныя православныя школы. Лютеранское духовенство, до послѣдняго времени заправлявшее народными школами въ губерніи, смотрѣло на это конечно не дружелюбно; дѣтей, посѣщающихъ православныя школы, стали объявлять уклоняющимися отъ школьнаго обученія, и на основаніи прибалтійскаго постановленія объ обязательности посѣщенія школъ для всѣхъ лютеранскихъ сельчанъ, родителей-лютеранъ, дѣти которыхъ посѣщаютъ православныя школы, штрафовать. Для избавленія эстонцевъ отъ этого притѣсненія, эстляндскій губернаторъ, на основаніи донесенія объ этомъ попечителя Деритскаго учебнаго округа, недавно обратился ко всѣмъ эстляндскимъ гакенрихтерамъ и приходскимъ судьямъ съ циркуляромъ отъ 7 мая, въ которомъ разъяснено, что посѣщеніе лютеранскими дѣтьми православныхъ и другихъ разрѣшенныхъ правительствомъ школъ, съ вѣдома и по желанію своихъ родителей, совершенно законно, и что на основаніи «временныхъ правилъ о лютеранскихъ народныхъ школахъ», денежному штрафу подвергаются лишь тѣ родители, которые посылаютъ своихъ дѣтей въ школу, открытую безъ законнаго разрѣшенія. Губернаторскій циркуляръ предписываетъ эстляндскимъ гакенрихтерамъ и приходскимъ судьямъ руководиться этимъ указаніемъ, и въ случаяхъ, когда по поводу такихъ штрафовъ поступаютъ въ министерство народнаго просвѣщенія жалобы, штрафы эти не взыскивать до разрѣшенія поступившихъ жалобъ попечителемъ учебнаго округа.

Одна изъ мѣръ противодѣйствія устройству православныхъ школъ въ Эстляндіи. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» читаемъ: подъ Ревелемъ, верстахъ въ 18, есть деревня Аррокюль; часть крестьянъ—православные. Двѣ школы въ деревнѣ: православная и лютеранская. Крестьяне облюбили православную, и лютеранская начала пустѣть. Въ виду того волостное начальство рѣшило лютеранскую школу присоединить къ православной, превративъ послѣднюю въ двухклассное училище съ двумя учителями.

До сихъ поръ все хорошо. Но учителю въ лютеранской школѣ полагалась земля. Какъ балту не воспользоваться было такимъ

случаемъ при сліяніи лютеранской школы съ православною! То былъ лютеранинъ учитель, а теперь православный, да еще попъ: отказать въ землѣ.

Таковъ случай, кажется, не рѣшенный еще до сихъ поръ. Но управляющій имѣніемъ (самъ помѣщикъ служитъ въ Петербургѣ) не на такого напалъ священника, который безспорно бы потерпѣлъ униженіе. А можетъ быть потому именно и рѣшили ему сдѣлать пакость, что о. Янсенъ (эстонецъ по рожденію) уже не разъ выступалъ патріотомъ и боролся съ балтійскими сепаратистами не безъ успѣха. «Желали бы мы въ высокоторжественные дни, заявляли нѣкогда о. Янсену прихожане, пойти въ церковь и помолиться за царя; да нельзя, насъ становятъ въ эти дни на барскую работу». О. Янсенъ посовѣтовалъ, чтобы при заключеніи контрактовъ на землю крестьяне вносили условіе, которымъ бы выговаривалось право не ходить въ царскіе дни на работу. Скрѣпя сердце покорилась экономія, но рѣшилась мстить. Пришли праздники; раздаются батракамъ подарки. «А вамъ нѣтъ ничего, говоритъ управляющій православнымъ; вы гуляете въ царскіе дни; такъ вотъ вамъ; ступайте разскажите объ этомъ своему попу». И преобразованіемъ школы экономія воспользовалась между прочимъ, чтобы отомстить за старое ненавистному священнику, который притомъ былъ еще и главнымъ двигателемъ по вопросу о налогѣ въ пользу лютеранскихъ церквей: его настояніемъ, главнымъ образомъ, обязанъ край, что этотъ несправедливый налогъ наконецъ фактически отмѣненъ; (впрочемъ по всему ли краю это еще неизвѣстно).

Въ виду прошлаго есть надежда, что и въ настоящемъ случаѣ священникъ-патріотъ отстоитъ свои права, и правительство его поддержитъ. Можетъ быть настоящій случай послужитъ даже поводомъ и къ принципіальному рѣшенію вопроса, какъ было дѣло съ церковнымъ налогомъ. Но борьбу съ балтійскимъ сепаратизмомъ какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ случаяхъ придется вести все-таки трудную, особенно при множествѣ единомышленниковъ и покровителей германизму, отъ которыхъ не свободны даже административныя сферы, и притомъ въ самомъ краѣ.

Выходка поляковъ. Пребываніе русской драматической труппы въ Варшавѣ ознаменовалось, какъ передаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», нѣсколькими выходками со стороны поляковъ. Три польскія редакціи получили даровые билеты на русскіе спектакли, для рецензентовъ. На другой день въ одной изъ

этихъ газетъ было напечатано, въ оффиціальномъ отдѣлѣ, что былъ, молъ, спектакль. и на немъ присутствовалъ генералъ-губернаторъ. Въ этомъ и заключался весь отчетъ. Насмѣшка была настолько очевидна, что мѣстное начальство сочло нужнымъ оштрафовать редакцію. Другой случай произошелъ по поводу вѣнка, который русскіе артисты, со свойственною русскимъ любезностью, поднесли польскому актеру Жулковскому. Когда артистъ вышелъ на сцену съ этимъ вѣнкомъ, въ верхнихъ ярусахъ театра раздалось шиканье. Разумѣется, шикали отдѣльныя личности.

Александръ Николаевичъ Островскій (некрологъ). Еще нестало одного колосса русской литературы, угасъ маститый дѣятель-драматургъ. Недавно похоронили Аксакова, а теперь хоронимъ представителя литературы лучшаго времени! Почти полстолѣтія наша русская сцена украшалась твореніями почившаго драматурга. Вся наша Русь безпредѣльная отъ края до края знаетъ, кто былъ Александръ Николаевичъ Островскій; въ продолженіи не одного десятка лѣтъ, дарилъ онъ сцену своими образцовыми драматическими произведеніями, въ продолженіе этого періода передъ нашими глазами пронеслися правдивые живые типы, такъ художественно и такъ реально воспроизводимые маститымъ драматургомъ.

Островскаго не стало! На вѣкъ почилъ увѣнчанный лаврами художникъ-творецъ такихъ пьесъ какъ: «Свои люди сочтемся», «Бѣдность не порокъ», «Тяжелые дни», «Гроза», «Бѣдная невѣста», «Василиса Мелентьевна», «Безприданница», «Лѣсъ» и прочіе. На закатѣ дней своихъ онъ подарилъ насъ своей идеальной пьесой «Не отъ міра сего». Велики заслуги почившаго драматурга! Незамѣнимая утрата для русской сцены!

Александръ Николаевичъ родился въ Москвѣ; отецъ его Николай Ѳедоровичъ происходилъ изъ духовнаго званія, былъ секретаремъ гражданской палаты. Служа въ этомъ званіи, онъ получилъ потомственное дворянство, благодаря службѣ и своему труду, пріобрѣлъ хорошее состояніе, и большое имѣніе близъ Кинешмы, Костромской губерніи. Въ семействѣ Островскихъ особенно выдѣлились два брата: старшій Александръ Николаевичъ и второй Михаилъ Николаевичъ; первый знаменитый драматургъ, второй министръ государственныхъ имуществъ. Александръ Николаевичъ окончилъ съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ, поступилъ въ императорскій московскій университетъ на юридическій факультетъ; не кончивъ курса, покинулъ университетъ и

всецѣло посвятилъ себя драматической литературѣ; будучи двадцати четырехъ лѣтъ, Островскій написалъ свою знаменитую пьесу «Свои люди—сочтемся»: въ 1846 году она подъ-рядъ выдержала нѣсколько представленій и имѣла громадный успѣхъ, стяжавши автору громкую славу; и съ тѣхъ поръ, въ теченіи 40 лѣтъ Островскій надѣлилъ русскую сцену своими художественными пьесами, которыя никогда не утратятъ ихъ интереса. Умеръ драматургъ, но его пьесы, цѣликомъ взятыя изъ жизни, не умрутъ и не одно поколѣніе будетъ смотрѣть ихъ «свѣтлый лучъ», проникнувшій въ «темное царство». За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, почившій писатель драматургъ съ Высочайшаго соизволенія назначенъ начальникомъ репертуара въ московскихъ императорскихъ театрахъ; со всею энергіею и любовью къ искуству взялся за дѣло; въ недалекомъ будущемъ навѣрное поставилъ бы нашу московскрю сцену на такой уровень, на какомъ она была лѣтъ двадцать тому назадъ. Но увы! смерть безжалостно отняла отъ насъ маститаго драматурга. При своемъ талантѣ А. Н. Островскій былъ прекрасно образованъ, въ совершенствѣ владѣлъ многими языками, что свидѣтельствуютъ переведенныя имъ съ иностранныхъ языковъ пьесы. Какъ человѣкъ, покойный драматургъ былъ въ высшей степени гуманенъ, и къ новичкамъ на драматическомъ поприщѣ относился болѣе чѣмъ гуманно, никогда не прочь былъ оказать свое содѣйствіе начинающему писателю, если замѣчалъ въ немъ хотя маленькій задатокъ таланта, будучи безсмѣннымъ предсѣдателемъ общества русскихъ драматическихъ писателей, со дня открытія общества съ 1874 года, А. Н. Островскій оказалъ громадныя услуги этому обществу и былъ его твердымъ руководителемъ.

Скончался Александръ Николаевичъ отъ удушья, которымъ онъ страдалъ долгое время. За нѣсколько недѣль до смерти онъ испыталъ сильные припадки удушья и поторопился уѣхать въ свое имѣніе, надѣясь, что деревенскій воздухъ подкрѣпитъ его здоровье. Въ четвергъ, 29-го мая, выѣхалъ онъ изъ Москвы, а 2-го іюня его нестало. Миръ праху твоему, маститый труженикъ великой земли русской!... *).

Отзывы газетъ объ А. Н. Островскомъ. Внезапная кончина нашего маститаго драматурга, свѣтила нашей сцены А. Н. Островскаго, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ руководите-

*) Изъ «Новостей дня» № 152.

лемъ нашего театральнаго дѣла, такъ не впопадъ порвавшая ту въ высшей степени полезную дѣятельность, которую долженъ былъ проявить А. Н. на своемъ посту главнаго начальника художественной части при императорскихъ московскихъ театрахъ, какъ и слѣдовало предполагать, вызвала оживленные толки въ нашей печати, на разные лады трактующей о невознаградимой утратѣ, которую понесла въ лицѣ А. Н. не только наша русская сцена, но и вся Россія.

Какъ мы уже сообщали, Островскій скончался 2-го іюня въ своемъ имѣніи Щелыковѣ, Костромской губ., въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кинешмы. Въ послѣднее время А. Н. страдалъ сильными приступами удушья, которые и привели его къ могилѣ.

Знакомимъ нашихъ читателей съ отзывами газетъ по поводу этой тяжелой потери.

Жизнь и дѣятельность—говорятъ «Моск. Вѣд.» усопшаго безраздѣльно были посвящены театру и драматической литературѣ. Въ продолженіи сорока лѣтъ, онъ написалъ около 50 оригинальныхъ драматическихъ произведеній изъ русскаго быта, не считая переводовъ и піесъ, написанныхъ въ сотрудничествѣ. Начавъ съ картинъ купеческаго быта, А. Н. Островскій постепенно расширялъ кругъ своего драматическаго владѣнія. За комедіями «Свои люди—сочтемся», «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность не порокъ» послѣдовали «Доходное мѣсто» и «Воспитанница», гдѣ на сцену выступаетъ уже элементъ чиновничій и помѣщичій, между тѣмъ какъ въ «Кузьмѣ Мининѣ», «Тушинѣ», «Василисѣ Мелентьевой», «Димитріи Самозванцѣ» писатель вступаетъ въ область исторической драмы. Даже элементъ чисто фантастическій не былъ чуждъ таланту А. Н. Островскаго; свидѣтельствомъ этому служитъ его «Снѣгурочка» и сцены появленія домоваго въ «Воеводѣ». Чѣмъ далѣе подвигалась дѣятельность писателя, вступая вмѣстѣ съ нимъ въ новыя теченія и формаціи общественной жизни, тѣмъ менѣе становилась его исключительность въ смыслѣ бытописателя «купеческой» жизни. Такъ, въ комедіяхъ «Лѣсъ», «Комикъ XVII-го столѣтія», «Безъ вины виноватые», «Таланты и поклонники», на первый планъ выступаетъ изображеніе типовъ изъ міра сценическаго въ «Безприданницѣ» главными дѣйствующими лицами являются люди изъ дворянскаго и чиновничьяго быта, между тѣмъ, какъ въ выведенныхъ здѣсь купеческихъ фигурахъ уже видно новое наслоеніе, «коммерсанты», смѣнившіе со-

бою прежнихъ Титовъ Титычей. Въ произведеніяхъ Островскаго сохранятся художественно очерченные образы весьма разнообразныхъ типовъ. На ряду съ самодурами купцами, ихъ женами и дѣтьми, являются «коммерсанты» въ родѣ Вожеватова, блестящіе баре (Паратовъ), помѣщицы, учителя, чиновники, актеры, актрисы, изобрѣтатели (Кулигинъ), старыя дѣвы, ханжи, кутилы, скупцы, странники. Цѣлая бытовая эпоха захвачена въ рамки произведеній Островскаго и останется въ нихъ жить, какъ живутъ въ картинахъ Теньера голландскій бытъ его времени. Всѣ типы произведеній Островскаго представляютъ воспроизведеніе дѣйствительности; въ нихъ нѣтъ идеализаціи въ смыслѣ выдуманности и сочиненности, нѣтъ отвлеченныхъ схемъ, людей призраковъ.

Островскій удивительно владѣлъ типичностью языка и говоромъ разныхъ общественныхъ слоевъ, особенно купеческимъ, который покойный писатель воспроизводилъ въ своихъ комедіяхъ. Во всѣхъ произведеніяхъ Островскаго разлита необыкновенная простота; вотъ почему они распространены болѣе нежели какія либо изъ драматическихъ русскихъ піесъ, и вотъ почему репертуаръ Островскаго можетъ быть названъ «народнымъ». Есть и другая причина, почему большинство піесъ Островскаго пользуется популярностію и увлекаетъ зрителей въ настоящее время точно такъ-же, какъ увлекало оно ихъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Причина эта заключается въ ихъ ясной и простой морали, обыкновенно выражающейся уже въ самомъ заглавіи: «Не въ свои сани не садись», «Не такъ живи какъ хочется, а живи такъ, какъ Богъ велитъ», «Бѣдность не порокъ», «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Воспроизводя дѣйствительность, считаясь писателемъ «реальнымъ», А. Н. Островскій вносилъ въ свои изображенія художественное чувство, отличающее его бытовыя картинки отъ фотографій съ натуры его подражателей. Глубоко русскій человѣкъ, онъ горячо любилъ все русское. Въ смѣхѣ его не слышится сардоническая нота озлобленія. Въ комическихъ піесахъ Островскаго чувствуется смягчающее присутствіе юмора; въ серьозныхъ комедіяхъ—ясная и безхитростная мораль. Онъ изображаетъ свои типы, даже наиболѣе отрицательные изъ нихъ, безъ озлобленія, обезоруживая противъ нихъ посредствомъ смѣха, который они возбуждаютъ.

Островскій былъ мастеръ стиха, которымъ владѣлъ, какъ немногіе теперь имъ владѣютъ. Въ немъ соединились художникъ и мыслитель, наблюдатель и поэтъ.

Вечеръ жизни Александра Николаевича Островскаго долженъ былъ въ тоже время послужить къ увѣнчанію его долголѣтняго служенія русскому театру. Давно скорбѣвшій о непорядкахъ нашего театральнаго управленія и о совершенномъ уничтоженіи драматической школы, онъ призванъ былъ съ 1-го января настоящаго года къ завѣдыванію художественной частью московскихъ театровъ и управленію театральною школой. Съ юношескимъ жаромъ принялся онъ за свою новую обязанность. цѣлые дни проводилъ въ театрѣ, писалъ проекты, трудился до изнеможенія. Энергія духа должна была, повидимому, преодолѣть слабость тѣла. Случилось наоборотъ. Александръ Николаевичъ скончался, не успѣвъ взлелѣять любимое свое дѣтище, театральную школу.

Вся Россія знала Александра Николаевича Островскаго. Нѣтъ русскаго театра на которомъ-бы не игрались его произведенія. Русская литература и русскій театръ понесли, дѣйствительно, невознаградимую утрату въ кончинѣ Александра Николаевича Островскаго.

Телеграфъ принесъ—пишетъ «Нов. Вр.»—печальную вѣсть: скончался Александръ Николаевичъ Островскій. Эта вѣсть тѣмъ болѣе глубоко и грустно поражаетъ, что смерть корифея нашей драматургіи является фактомъ внезапнымъ, неожиданнымъ.

Не было никакихъ предварительныхъ сообщеній о болѣзни Алексадра Николаевича, не было никакихъ слуховъ о дурномъ состояніи его здоровья въ послѣднее время. Напротивъ, по всѣмъ даннымъ, можно было думать, что покойный находился въ добромъ здоровьѣ: его живая дѣятельность въ качествѣ директора московскаго театра, казалось, свидѣтельствовала о бодрости души и тѣла. И вдругъ извѣстіе: умеръ. Съ перваго раза не вѣрилось, думалось, нѣтъ-ли ошибки какой, недоразумѣнія. Но телеграфъ подтверждалъ роковую и прискорбную истину...

Въ лицѣ Островскаго русская литература теряетъ одного изъ немногихъ оставшихся крупныхъ талантовъ, выступившихъ на литературное поприще въ періодъ сороковыхъ годовъ, одного изъ тѣхъ—скажемъ, перефразирую извѣстное выраженіе Пушкина—птенцовъ гнѣзда Гоголя, которые составляютъ нашу славу и гордость, которые усвоили русскому творчеству значеніе наиболѣе правдиваго и наиболѣе реалистическаго творчества. Это былъ великій самобытный талантъ, создавшій въ избранномъ имъ родѣ рядъ оригинальныхъ и сильныхъ произведеній, представляющихъ въ общемъ то, что называется русскимъ театромъ. Да,

вслѣдъ за «Горемъ отъ ума» и «Ревизоромъ»—этими двумя краеугольными камнями національной комедіи, идутъ прямо «Свои люди», «Бѣдная невѣста», «Бѣдность не порокъ», «Не въ свои сани не садись», «Гроза», «Лѣсъ», «Воспитанница»—словомъ цѣлая серія бытовыхъ пьесъ, превосходныхъ по замыслу, по удивительному комическому языку, по художественной рельефной обрисовкѣ типовъ. Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій—вотъ тріумвиратъ нашей комедіи и въ этомъ тріумвиратѣ покойный драматургъ занимаетъ мѣсто, конечно, не ниже двухъ своихъ великихъ сотоварищей.

Островскій выступилъ на поприщѣ драматурга безъ колебаній, онъ прямо нашелъ свой путь и сразу создалъ вещь, едва-ли не оставшуюся самой крупной въ его обширномъ репертуарѣ. Когда, тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, появилась комедія «Свои люди сочтемся», она сразу поставила ея автора въ рядъ тогдашнихъ молодыхъ и сильныхъ дарованій гоголевской школы, имена которыхъ теперь извѣстны цѣлому міру. Критика даже враждебнаго направленія была поражена могучей силой таланта начинающаго драматурга и оригинальной, живой и типичной обрисовкой до той поры мало извѣстной купеческой среды. Въ комедіи, кромѣ того, ясно сказывался серьезный общественный замыселъ и глубокое разумѣніе основныхъ чертъ русской жизни, ея своеобразнаго строя и быта. Дальнѣйшія вещи Островскаго показали, что блестящія надежды, возбужденныя его первымъ крупнымъ созданіемъ, не были неосновательны: онъ твердо пошелъ по своему пути и не больше какъ черезъ десять лѣтъ за нимъ уже упрочился титулъ перваго современнаго русскаго драматурга, одного изъ создателей бытоваго театра.

Самобытный родъ бытовой комедіи, созданный Островскимъ, имѣлъ огромное вліяніе на водвореніе реалистической простоты и правды на русской сценѣ. Какъ это всегда бываетъ, крупный и оригинальный сценическій художникъ нашелъ соотвѣтсвующихъ истолкователей на сценѣ своимъ произведеніямъ. Такіе яркіе, своеобразные и истинно народные таланты, какъ Садовскій, Сергѣй и Павелъ Васильевы, явились достойными коментаторами тѣхъ бытовыхъ типовъ, какіе далъ во множествѣ художникъ. Эпоха начала драматической дѣятельности Островскаго и затѣмъ полнаго ея расцвѣта въ шестидесятыхъ годахъ была эпохою высшаго процвѣтанія московскаго театра. Та сценическая правда и простота, которая, благодаря пьесамъ Островскаго, сдѣлалась

тогда обязательной на русской сценѣ, съ тѣхъ поръ подчинила своему господству исполнителей и создала, можно сказать, русскую національную игру. Говорить о глубокомъ и широкомъ нравственномъ вліяніи произведеній Островскаго на развитіе общественнаго сознанія значило бы повторить то, что всѣмъ извѣстно и всѣми признано.

Островскій такъ много сдѣлалъ—число его пьесъ доходитъ почти до полусотни—что, безъ сомнѣнія, его геній выразился весь въ созданныхъ имъ многочисленныхъ произведеніяхъ. Тѣмъ не менѣе его смерть—великая утрата для литературы и для театра. Потеря крупнаго дарованія, корифея, вождя, хотя бы уже почти прошедшаго весь свой путь, всегда чувствительна не только тѣмъ, что она лишаетъ новыхъ созданій его творчества, но также и тѣмъ, что со смертью художника утрачивается плодотворное вліяніе его личности и авторской и просто человѣческой. Особенно со смертью Островскаго потерялъ много театръ: драматургъ скончался именно тогда, когда онъ былъ призванъ руководить московскою сценою, служащей образцемъ для русскаго сценическаго искусства. Уже по первымъ разумнымъ начинаніямъ было видно, что отъ Островскаго можно было ожидать многаго для развитія и правильной постановки сценическаго дѣла. Но смерть безжалостно прервала труды опытнаго и высокодаровитаго художника и руководителя сцены...

Вспоминая о художественныхъ заслугахъ покойнаго драматурга, нельзя не вспомнить о его личности. Личность Островскаго была также оригинальна и самобытна, какъ его произведенія. Это былъ человѣкъ чисто русскаго, даже, коли хотите, московскаго склада. Въ немъ поражали даровитость, умъ и здравомысліе, соединенное съ какимъ то, если такъ можно выразиться, авторитетнымъ добродушіемъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ глубокихъ, самыхъ рѣдкихъ знатоковъ русскаго языка вообще и народной рѣчи въ особенности и рѣчь самаго Островскаго отличалась удивительно своеобразнымъ, простымъ и въ то же самое время необыкновенно выразительнымъ русскимъ пошибомъ. Взгляды Островскаго на искусства и на театръ были необыкновенно опредѣлены, ясны и поражали здравымъ и широкимъ критическимъ тактомъ. Въ личныхъ отношеніяхъ къ сценическимъ дѣятелямъ онъ отличался замѣчательной мягкостью. При постановкѣ своихъ пьесъ Островскій постоянно ободрялъ и хвалилъ исполнителей и едва ли какой либо изъ нашихъ драматурговъ обнаруживалъ

такую снисходительность и внимательность даже къ самымъ маленькимъ актерамъ. Съ глубокимъ разумѣніемъ сценическаго дѣла Островскій сразу давалъ тонъ артистамъ при первомъ чтеніи своей пьесы. Читалъ онъ превосходно: безъ актерской манерности, безъ внѣшней подражательности голосамъ дѣйствующаго лица, но всегда такъ, что основный характеръ и складъ роли въ его чтеніи выдавался очень ярко и давалъ актеру такъ сказать, ея настоящій обликъ. Прочитавъ артистамъ роль, онъ потомъ при репетиціяхъ дѣлалъ немного замѣчаній и совѣтовъ; но всѣ его совѣты и замѣчанія всегда были необыкновенно цѣнны и глубоки и давались съ такимъ простодушіемъ и нерѣдко съ такимъ милымъ юморомъ, что всегда восхищали артистовъ.

«Русскій Курьеръ» посвятилъ смерти А. Н. Островскаго громадную статью, изъ которой мы и приводимъ болѣе интересныя мѣста, главнымъ образомъ касающіяся юности и литературной дѣятельности А. Н.

Александръ Николаевичъ Островскій—говорятъ «Русск. Кур.» «родился» въ Москвѣ 31-го марта 1823 г. Отецъ его, Николай Θедоровичъ Островскій, родомъ костромичъ, происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса въ костромской духовной семинаріи (отецъ Н. Θ. Островскаго былъ священникъ костромской епархіи, переселившійся затѣмъ въ Москву, въ Донской монастырь, гдѣ принялъ монашество подъ именемъ Θеодота и затѣмъ, постриженный въ схиму съ именемъ Θеодорита) переѣхалъ на жительство въ Москву и поступилъ на коронную службу, на которой получилъ дворянское званіе. У Николая Θедоровича было всего три сына, изъ которыхъ двое впослѣдствіи заняли видное и почетное положеніе: Александръ Николаевичъ стяжалъ славное имя на литературномъ поприщѣ и Михаилъ Николаевичъ—нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ.

Александръ Николаевичъ Островскій, лишившійся матери въ раннемъ возрастѣ, былъ, какъ и его братья, предоставленъ въ дѣтствѣ собственному произволу. Служебныя занятія отца мало позволяли заниматься ему дѣтьми и нашъ будущій драматургъ съ ранняго возраста былъ лишенъ благотворнаго вліянія отеческихъ ласкъ. Дешевые домашніе учителя, да нечастыя свиданія съ вѣчно занятымъ отцомъ были въ дѣтскіе годы А. Н. тѣмъ кругомъ, въ которомъ обращалась его однообразная жизнь. Быть можетъ, такое раннее сиротство и было причиною того, что предо-

ставленный съ юныхъ лѣтъ самому себѣ, мальчикъ сталъ чаще и чаще сосредоточиваться въ самомъ себѣ.

Когда мальчикъ былъ опредѣленъ въ I-ю московскую (тогда называвшуюся губернской) гимназію, то ему приходилось много и усердно заниматься уроками, чтобы не отстать отъ своихъ товарищей одноклассниковъ, такъ какъ подготовка его дома дешевыми учителями оказалась далеко неудовлетворительной. Но богато одаренная способностями натура взяла верхъ надъ всѣми трудностями. По окончаніи гимназическаго, тогда, впрочемъ, не особенно мудреннаго курса, Островскій поступилъ въ студенты московскаго университета на юридическій факультетъ. Пробывъ здѣсь 4 года и не окончивъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ полнаго курса, Александръ Николаевичъ, по выходѣ изъ университета, вступаетъ впервые на самостоятельное житейское поприще и опредѣляется на службу въ московскій коммерческій судъ въ качествѣ мелкаго чиновника. Но слишкомъ узкія рамки чиновничьей жизни и существовавшій тогда тяжелый «чиновничій» режимъ скоро надоѣли этому «канцеляристу» и онъ, прослуживъ незначительное время въ коммерческомъ судѣ, вышелъ въ отставку.

Съ этого времени начинаются первые литературные опыты Островскаго и, надо прибавить, довольно удачные: его замѣчаетъ критика и молодой литераторъ возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе. Однимъ изъ такихъ первыхъ произведеній Островскаго были написанныя въ 1846 г. сцены подъ названіемъ «Семейныя картины», напечатанныя въ слѣдующемъ затѣмъ году въ издававшемся тогда «Московскомъ Городскомъ Листкѣ». Уже въ 1847 г. появляются сравнительно болѣе зрѣлыя произведенія Островскаго, эскизы: «Сцены изъ замоскворѣцкаго быта» и небольшой разсказъ «Очерки Замоскворѣчья»—единственное произведеніе Александра Николаевича, написанное не въ драматической формѣ. Послѣднія двѣ вещицы молодаго литератора еще болѣе придали ему значенія; онѣ были конечно не изъ крупныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставили и критику, и читающую публику ожидать отъ Островскаго болѣе значительныхъ, болѣе серьезныхъ и обдуманныхъ произведеній. Ожиданія эти не замедлили оправдаться. Въ 1850 году Островскій подарилъ нашу литературу первымъ крупнымъ и зрѣлымъ произведеніемъ—комедіей «Свои люди—сочтемся». Въ этой комедіи Островскій впервые кинулъ перчатку тому темному царству, изображеніе котораго сразу доставило автору громкую

литературную славу, поставивъ его имя на ряду съ выдающимися художниками отечественной литературы. Новизна и художественность произведеній, оригинальность выведенныхъ типовъ въ первый разъ развернули передъ обществомъ тяжелую картину купеческаго быта, гдѣ царитъ деспотизмъ и наглый обманъ. Этимъ произведеніемъ репутація Островскаго была окончательно упрочена. Въ томъ же году Островскій написалъ двѣ небольшія вещицы: «Утро молодаго человѣка» и «Неожиданный случай».

Въ 1852 году вышло второе крупное произведеніе Островскаго—«Бѣдная невѣста», въ которомъ авторъ отступилъ отъ изображенія излюбленной имъ купеческой среды. Тогдашняя критика нашла, однако, что новая комедія Островскаго, при всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ, какъ то: обдуманности плана и прекрасномъ языкѣ, не лишена и серьезныхъ недостатковъ: въ ней не было дѣйствительно живыхъ лицъ и вѣрныхъ характеровъ. Комедія была принята довольно холодно и поспѣшная на похвалу и порицанія публика начала посматривать на автора съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Это разочарованіе, впрочемъ, въ слѣдующемъ же 1853 году смѣнилось какъ разъ противоположнымъ чувствомъ, когда Островскій выступилъ съ своей новой комедіею «Не въ свои сани не садись», а вслѣдъ за нею въ 1854 году и съ другой своей комедіей «Бѣдность не порокъ». Оба эти произведенія и въ особенности первое изъ нихъ удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ критики.

Послѣ этого, появляется рядъ произведеній Островскаго, упрочивающихъ за нимъ репутацію талантливаго драматурга. Въ этотъ періодъ времени, Островскій даритъ театръ комедіями: «Не такъ живи, какъ хочется» и «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и картинками изъ московской жизни «Не сошлись характерами», «Праздничный сонъ до обѣда» и «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь».

Затѣмъ, въ 1857 году, появляется еще новое капитальное произведеніе, быстро завоевавшее автору громкое литературное имя, комедія «Доходное мѣсто», въ которой авторъ съумѣлъ искусно затронуть и затѣмъ ярко освѣтить темныя стороны крупнаго и мелкаго чиновничества. Въ томъ же году выходятъ новыя сцены изъ замоскворѣцкой жизни: «Свои собаки грызутся—чужая не приставай» и «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Эти сцены, полныя жизни и художественнаго юмора, иллюстрируютъ все тотъ же купеческій бытъ, который въ совершенствѣ изучилъ авторъ.

*

1859 годъ считается лучшимъ и наиболѣе плодотворнымъ изъ годовъ творческой дѣятельности Островскаго: въ этомъ году Александръ Николаевичъ почти одновременно наградилъ театръ и литературу двумя своими лучшими произведеніями: драмою «Гроза» и комедіею «Воспитанница». Въ нашей современной драматической литературѣ, конечно, можно отыскать нѣсколько комедій («Свадьба Кречинскаго»—Сухово-Кобылина, «Нахлѣбникъ»—Тургенева «Однодворецъ»—А. Потѣхина), которыя, пожалуй, могутъ быть поставлены на ряду съ комедіями Островскаго; но драмы, выше «Грозы», не было и до сихъ поръ еще нѣтъ во всей русской литературѣ. Полный высокаго драматизма сюжетъ, въ высшей степени гуманная идея, совершенная и строгая законченность въ художественной отдѣлкѣ всего произведенія, среди котораго выдается поэтическая и идеальная личность героини драмы—все это ставитъ названную драму Островскаго на рѣдкую высоту, дѣлая ее первоклассным и высокохудожественнымъ произведеніемъ русской драматической литературы.

Далѣе появляются въ свѣтъ новыя комедіи Островскаго: «Тяжелые дни» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».

Въ первой изъ этихъ комедій авторъ вывелъ классическій типъ Титъ Титыча, повторенный Островскимъ впослѣдствіи, съ нѣкоторыми варіаціями въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Далѣе появляются слѣдующія произведенія Островскаго, выходящія въ свѣтъ съ 1867 года: «Шутники», «Пучина», «На бойкомъ мѣстѣ», «На всякаго мудреца довольно простоты» и «Бѣшеныя деньги»; въ послѣдней авторъ опять возвращается въ сферу дворянства и чиновничества. Далѣе идутъ позднѣйшія комедіи: «Не все коту масляница», «Горячее сердце», «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», «Поздняя любовь», «Трудовой хлѣбъ» и др.

Изъ произведеній, написанныхъ Островскимъ на историческія темы, извѣстны слѣдующія: «Козьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ», «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій», «Тушино» и «Василиса Мелентьевна» и (бытовыя) «Воевода» и «Комикъ XVII-го столѣтія». Всѣ эти произведенія написаны прекраснымъ стихомъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ произведеній Островскій написалъ прелестную фантастическую сказку «Снѣгурочка», въ которой авторъ, кромѣ своего замѣчательнаго поэтическаго таланта, выказалъ свой вѣрный взглядъ на языческое міровоззрѣніе славянъ.

Изъ переводовъ Островскаго извѣстны «Заблудшіяся овцы» и «Великій банкиръ». Переводъ отличается изяществомъ, вообще свойственнымъ литературному языку Островскаго, хотя самый выборъ этихъ пьесъ трудно мотивировать чѣмъ либо инымъ, кромѣ простой случайности.

Въ 1872 г. въ Москвѣ былъ отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Александра Николаевича, причемъ, основанное при его главномъ содѣйствіи общество русскихъ драматическихъ писателей поднесло ему роскошный альбомъ съ выгравированными на немъ названіями написанныхъ имъ до того времени произведеній.

Между многочисленными произведеніями Островскаго найдутся, конечно, и слабыя вещи; но всѣ ошибки А. Н. простятся ему за одно такое чудное произведеніе, какимъ является «Гроза».

Всѣ, кому дороги преуспѣяніе русской мысли и процвѣтаніе русской литературы,—говорятъ «Новости»,—были поражены глубокой, жгучей печалью передъ этой новой великой утратой.

Печаль была тѣмъ острѣе и сильнѣе, что самая утрата разразилась, какъ ударъ грома, совершенно неожиданно, когда никто о ней не чаялъ и не являлось никакихъ ея предвѣстниковъ.

Было извѣстно, что Александръ Николаевичъ, отличавшійся сильнымъ тѣлосложеніемъ и пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ, бодро и ревностно работаетъ на поприщѣ русскаго театра, столь много обязаннаго его таланту и его трудамъ, какъ драматургъ и какъ руководитель московской сцены, недавно поступившей подъ его управленіе.

И, вдругъ, узнаемъ сегодня, что его не стало!..

Смерть—такая лютая и безпощадная къ русскимъ литературнымъ дѣятелямъ—скосила нашего великаго драматурга однимъ ударомъ.

Въ Островскомъ русская литература понесла такую утрату, которую невозможно на первыхъ порахъ даже обнять и измѣрить.

Онъ умеръ, правда, въ апогеѣ своей славы, свершивъ чрезвычайно много для русскаго театра, но отъ него можно было ждать еще новыхъ драматическихъ произведеній, не менѣе замѣчательныхъ, чѣмъ тѣ, какими онъ обогатилъ нашъ репертуаръ, новыхъ трудовъ и начинаній въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія русскаго театра, который онъ такъ горячо любилъ, который такъ всесторонне зналъ.

Въ Островскомъ умеръ великій, единственный у насъ театральный авторитетъ, стяжавшій общее признаніе сорокалѣтнимъ, многостороннимъ опытомъ, глубокимъ художественнымъ проникновеніемъ въ тайны искусства и высокимъ критическимъ чутьемъ правды жизни на сценѣ.

Въ Островскомъ умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей—достойный сверстникъ блестящей литературтой плеяды сороковыхъ годовъ, давшей намъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Писемскаго!

Въ Островскомъ умеръ творецъ русскаго истинно-народнаго театра. Онъ первый вывелъ на сцену народъ во всей его цѣлокупности, со всѣмъ его добромъ и зломъ, съ его рѣчью, міровоззрѣніемъ, нравами и бытомъ, во всей яркости ихъ естественныхъ красокъ. При всемъ томъ, онъ не былъ ни исключительно «мужичьимъ», ни исключительно «мѣщанскимъ» и «купеческимъ» бытописателемъ, какимъ его считали иные критики; онъ изобразилъ, въ безподобныхъ по реальной силѣ и правдѣ образахъ, весь русскій міръ, каковъ онъ есть, безъ тенденціозныхъ подмалевокъ, безъ льстивыхъ прикрасъ въ духѣ квасного патріотизма, но и безъ отрицательнаго, брюзгливаго трактованія съ высока.

Онъ объективенъ, простъ и истиненъ, какъ сама правда. И потому-то онъ первый изъ всѣхъ нашихъ драматурговъ далъ не только отрицательные (какъ Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь), но и положительные русскіе типы, имъ первымъ геніально открытые въ «темномъ царствѣ», какъ песчинки золота въ мутномъ илѣ.

На его монументѣ можно было-бы выковать эти два стиха, сказанные о немъ лѣтъ двадцать тому назадъ:

Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ окружилъ!

Въ Островскомъ умеръ, наконецъ, одинъ изъ благотворнѣйшихъ, по своему вліянію, русскихъ общественныхъ дѣятелей: онъ первый проницательно заглянулъ въ пучину русской жизни и вскрылъ ея, невѣдомыя дотолѣ, крывшіяся подъ спудомъ, вѣковыя язвы самодурства, дикости, невѣжества и гнетущей кривды.

Если Екатерина II-я сказала, что «театръ долженъ быть школой народной», то Островскій болѣе всѣхъ русскихъ драматурговъ послужилъ этой высокой задачѣ театра. Его комедія имѣла, имѣетъ и будетъ еще долго имѣть огромное воспитательное значеніе для общества. Она сослужила уже въ этомъ отношеніи огромную

службу, которую вполнѣ оцѣнить въ настоящее время еще невозможно...

Вотъ, что, въ совокупности, значилъ Островскій для русской литературы, для русскаго общества и для роста русской общественной мысли.

Глубоко скорбя о постигшей насъ великой утратѣ, мы, въ то-же время, гордимся, что русская земля родитъ Островскихъ, и уповаемъ, что Островскіе на Руси и впредь не переведутся!

Страшная утрата вообще, а для современниковъ тѣмъ страшнѣе, тѣмъ тягостнѣе..—говоритъ «Петерб. Газ.»—Угасъ великій свѣтильникъ, озарявшій нашъ особый русскій міръ, со всѣми его пороками и со всѣми проблесками чистыхъ, добрыхъ идеаловъ.

По выраженію великаго критика, Островскій представилъ намъ «темное царство», освѣтилъ его и силой своего высокаго таланта привелъ это свое царство изъ мрака къ свѣту...

И это замѣчательно вѣрно: Островскій изъ нашей русской простой среды выхватилъ и показалъ намъ такихъ высоко симпатичныхъ людей (бр. Торцовы, Русаковъ, Бородкинъ, Маргаритовъ и множество другихъ), которые могли-бы служить всеобщими идеалами правды и любви къ ближнему... Отдавая свою любовь честному и доброму, знаменитый писатель не щадилъ зла, порока и самодурства, гнѣздившагося въ нѣдрахъ темнаго царства, и въ яркихъ типахъ повѣдалъ его русскому міру.

А. Н. Островскій былъ не только высокоталантливъ по изложенію, но и высоко правдивъ по характеру своихъ произведеній: онъ былъ глубоко нѣженъ ко всему доброму, честному въ русскомъ человѣкѣ и безпощадно ядовитъ и насмѣшливъ къ людямъ зла, порока и самодурства, которое проявлялось во вредъ или оскорбленіе униженныхъ обыденною жизнью. Въ данную минуту мы не пишемъ ни критики, ни даже простой оцѣнки высокоталантливаго писателя (это бы заняло и много времени и много мѣста), мы заносимъ на столбцы своей газеты тѣ слова и фразы, что невольно выжимаются изъ больнаго сердца, слишкомъ сильно чувствующаго тяжкую утрату.

Еще недавно (въ концѣ великаго поста), Александръ Николаевичъ былъ въ Петербургѣ, предсѣдательствовалъ на засѣданіи общества русскихъ драматическихъ писателей, пріѣхавъ въ Петербургъ главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы получить нѣкоторыя инструкціи и разъясненія по управленію московскимъ театромъ, который былъ ему ввѣренъ Высочайшимъ повелѣніемъ

съ 1-го января текущаго года. Но ни этихъ инструкцій, ни этихъ разъясненій Александру Николаевичу не привелось, какъ видно, привести въ исполненіе.

Онъ неожиданно угасъ, а вмѣстѣ съ нимъ, да позволено намъ будетъ думать такъ, угасла и надежда московскаго Малаго театра воскреснуть вновь и воскресить въ себѣ тѣ прекрасныя традиціи, которыми нѣкогда этотъ театръ славился...

Традиціи эти за послѣднее время пали, принятіе Александромъ Николаевичемъ театра подъ свою ферулу давало великую надежду, что онѣ воскреснутъ вновь... Но умеръ Александръ Николаевичъ и думается, что вмѣстѣ съ нимъ будутъ безвозвратно погребены и тѣ традиціи, что ставили московскій Малый театръ образцомъ всѣхъ театровъ въ Россіи.

Писатель-художникъ умеръ на 64-мъ году жизни, но въ полной силѣ своего творчества; онъ могъ-бы еще подарить русскую драматическую литературу не однимъ талантливымъ произведеніемъ, такъ какъ геній его не угасалъ до послѣднихъ дней, но это грустное событіе свершилось и современникамъ остается поклониться низко-низко трупу писателя, который своимъ талантомъ, своимъ симпатичнымъ отношеніемъ къ русскому человѣку съумѣлъ снискать себѣ вѣчную память.

№ 17 Вол. Епарх. Вѣд. сданъ на почту 21-го Іюня 1886 г.

Редакторъ П. Бѣляевъ.

Дозволено цензурою. Кременецъ. 21-го Іюня 1886 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.